

НАЦЫЯНАЛЬНАЯ АКАДЭМІЯ НАВУК БЕЛАРУСІ
Цэнтр даследаванняў беларускай культуры, мовы і літаратуры
Інстытут мовазнаўства імя Якуба Коласа

СУЧАСНЫЯ ПРАБЛЕМЫ АНАМАСТЫКІ

Зборнік
навуковых артыкулаў

Заснаваны ў 2022 годзе

Выпуск 1

Да 85-годдзя з дня нараджэння В. П. Лемцюговай

Мінск
«Беларуская навука»
2022

Зборнік змяшчае навуковыя артыкулы айчынных і замежных даследчыкаў у галіне анамастыкі. Работы закранаюць розныя віды анамастычнай лексікі і адлюстроўваюць сучасны стан беларускай і ў цэлым славянскай навукі аб уласных імёнах. Падаецца таксама падборка матэрыялаў да слоўнікаў.

Выданне адрасуецца спецыялістам у галіне анамастыкі (мовазнаўцам, гісторыкам, географам), краязнаўцам, выкладчыкам, студэнтам і школьнікам, а таксама ўсім, хто цікавіцца пытаннямі паходжання і функцыянавання ўласных імёнаў.

Навуковы рэдактар

кандыдат філалагічных навук І. Л. Капылоў

Адказныя рэдактары:

кандыдат філалагічных навук А. М. Лапцёнак

кандыдат філалагічных навук В. У. Міцкевіч

кандыдат філалагічных навук В. А. Шклярык

Рэцэнзенты:

кандыдат філалагічных навук І. У. Будзько

кандыдат філалагічных навук Д. В. Дзятко

И. И. Муллонен
Петрозаводск, Россия

ТОПОНИМИЧЕСКИЙ МЕТОД В ИССЛЕДОВАНИИ ЭТНОЯЗЫКОВОЙ СИТУАЦИИ В ОЛОНЕЦКОЙ КАРЕЛИИ¹

В статье изложены некоторые результаты анализа ойконимной модели *-ичи / -ицы*, бытующей в окрестностях города Олонца – древнего административного центра, расположенного в Приладожье, на юго-западе Карелии, традиционной территории расселения карелов-ливвиков. Модель использовалась здесь для адаптации к русскому официальному бытованию местных прибалтийско-финских ойконимов, оформленных суффиксом *-l / -lu* (*Immal* → *Им-малицы*). На основании привлечения исторических источников XVI–XIX вв. рассматривается динамика ее проявления, ареал модели и его генезис. Показано, что появившись еще в новгородское время, модель сохраняла активность вплоть до XVII в., когда она практически перестает использоваться для интеграции в русское бытование наименований вновь возникающих поселений. В это же время карельский *-l*-овый формант включается в состав русского ойконима (*Куневичи* → *Кунелицы*). За этой топонимической ситуацией стоит активная миграция в Олонецкую округу приладожских карелов, вызванная российско-шведским противостоянием XVII в. Для карельских переселенцев ойконимы на *-la* были обычны, в то время как русская модель *-ичи* мало знакома. Топонимический материал, таким образом, способствует реконструкции событий XVII века, принципиально важных для этнокультурной истории Олонецкой округи и формирования ливвиковского наречия в составе карельского языка.

Ключевые слова: ойконимия, адаптационная модель, формант, ареально-типологический метод, Карелия, карельский язык.

Этнолингвистический потенциал топонимии базируется на целом ряде объективно присущих ей особенностей. Среди них массовость топонимического материала, которая позволяет оперировать большими количествами названий, а также исключительная устойчивость во времени, сохраняющая субстратное языковое наследие. Исключительную ценность представляет привязка топонимов и топонимных типов к определенному времени и определенной территории. Специальное исследование, проведенное в Карелии, позволило сформулировать основные принципы ареально-типологической методики топонимического исследования, опирающейся на то, что образование географических названий происходит по моделям, характеризующимся хронологической и географической приуроченностью. Это позволяет устанавливать время (относительное) бытования той или иной топонимной модели, а также очерчивать ареал ее функционирования, увязывающийся с экспансией определенных групп населения, историей образования этнических территорий, границ и т. д. [6]. В статье на основе применения ареально-типологической методики к ойконимам, оформленным суффиксом *-ичи / -ицы* и с использованием материалов исторических источников, предложены некоторые выводы о динамике этнокультурной ситуации в Олонецкой округе.

Город Олонец – исторический административный центр Карелии, давший в свое время название Олонецкой губернии, является и этнокультурным центром, объединяющим территорию, населенную карелами-ливвиками. Согласно данным карельской диалектологии ливвиковское (или олонецкое) наречие карельского языка сформировалось в результате карело-вепсского этноязыкового контактирования, происходившего в ходе карельской миграции из северного Приладожья в бассейны рек восточного побережья Ладожского озера, населенные вепсами. Топонимика способна внести свой вклад в понимание того, как и когда происходил этот процесс.

При значительном пласте русской топонимии, формирование которой началось, видимо, в XIII–XIV вв., с вхождением в состав земель Новгорода, в Карелии не так много ярких древнерусских моделей. Распространение административного управления Новгорода не влекло за собой массовой колонизации из новгородской округи. «Русская» Карелия на самом деле является в значи-

¹ Статья подготовлена в рамках выполнения проекта РФФИ 19-012-00068 «Ойконимическая система южной Карелии: на стыке традиций и инноваций».

тельной степени обрусевшей, сформировавшейся в ходе смены коренным вепским и карельским населением языка и этнического самосознания на русское. Тем не менее отдельные ранние топонимные типы здесь отмечаются.

Один из наиболее выразительных «славянских» маркеров в топонимическом пространстве Карелии – это ойконимный формант *-ичи / -ицы*, который имеет здесь два локальных ареала. Первый – очень насыщенный – представлен приблизительно полутора сотнями реализаций в ойконимии современной юго-западной Карелии и на смежной территории Присвирья, административно подчиненной Ленинградской области. Исторически это единый ареал в составе Олонецкой губернии, а в более глубокой исторической ретроспекции – Заонежских погостов Обонежской пятины XV–XVII вв. Обращение к эпохе позднего средневековья вызвано тем обстоятельством, что, очевидно, именно тогда модель пришла на север. Собственно, первая фиксация относится к XIII в.; в одном из самых древних сохранившихся документов по территории новгородских владений в Карелии – приписке к Уставу Святослава Ольговича – отмечены топонимы «в *Тервеничех*» (совр. *Тервиничи*) и «у *Вьюнице*» (совр. *Винницы*). В свою очередь, второй локальный ареал привязан к древнему транзитному водно-волоковому пути из Онежского озера в Белое море и реализован здесь примерно в десятке ойконимов, которые отмечены впервые в писцовой книге 1563 года – самом раннем из известных массовом источнике по этой территории. За отсутствием более ранних документов указать исходную хронологию невозможно. Зато можно утверждать, что еще в XVII в., когда бывший Олонецкий погост получает статус города и становится центром Олонецкого воеводства, модель была активной и порождала новые именованья. Однако она обладала своими особенностями на фоне собственно новгородской.

Наш регион расположен на самой северо-западной окраине большого славянского ареала бытования ойконимии на *-ичи / -ицы* и не входит в число коренных территорий ее функционирования. На автохтонных славянских территориях модель получила продуктивность еще в период формирования родовых славянских общин в I тыс. н. э. и бытовала как патронимическая [4, с. 49]. В. Л. Васильев, одним из последних обратившийся к анализу этой древней общеславянской деривационной модели в Новгородской округе, убедительно доказал ее значительную продуктивность здесь вплоть до XV–XVI вв., а также постепенный переход с собственно патронимических функций на более поздние посессивные [2, с. 203–204].

В Карелии наблюдается четкая специфика в использовании форманта *-ичи / -ицы*, отличающая данный регион: топонимов типа *Михалеви́чи* и *Ерши́ничи*, в которых формант присоединяется к русской антропонимической основе, считанные единицы. Безраздельно господствуют названия с нерусской именной основой: *Куневи́чи*, *Маягини́чи*, *Чимки́ницы*, *Шангени́чи* и др., т. е. формант использовался здесь для введения в русскую систему именованний нерусской в своих истоках ойконимии. Мне приходилось уже писать в связи с анализом вепской топонимии южного Присвирья о том, что вепские оригиналы – это названия поселений, оформленные характерным прибалтийско-финским ойконимным суффиксом *-l(a)*, присоединявшимся к антропонимной основе и имевшим локативную семантику: дер. *Reboil* (букв. ‘место (жительства) Ребо́я’) → *Ребови́чи*, *Karhil* ‘место (жительства) Кархи’ → *Каргини́чи*. Такая ситуация дала основание реконструировать *-l*-овый оригинал для многочисленных ойконимов с финалью *-ичи / -ицы* русского / обрусевшего Присвирья, напр. *Вечени́цы*, *Герпини́чи*, *Гурени́чи*, *Согини́цы* и десятки других, утративших в связи с обрусением территории местный прибалтийско-финский вариант названия. Основанием для такой адаптации явилась несомненная аналогия в семантической характеристике вепской ойконимии на *-l* и древнерусской на *-ичи / -ицы* [5, с. 84–87].

Аналогичным образом ведет себя модель *-ичи / -ицы* и в Олонце. Она использовалась для славизации карельских ойконимов с *-l*-овым суффиксом, оформляющим топооснову, выраженную календарным или некалендарным антропонимом. Ограничимся только двумя примерами:

Рыпушка́лицы ← ливв. *Riipuškál*: в основе традиционный антропоним **Riipuška*, который в принципе сопоставим с кар. *riipuška* ‘лохмотья, рубище’ [7], бытовавшем как прозвище обрванца;

Чимилицы ливв. *Ķimil*, в котором *Ķimi* – карельский вариант русского календарного имени Семен [8, s. 175].

Картографирование ойконимов в карельском / ливвиковском Приладожье рисует следующую картину. Здесь представлена довольно густая сеть прибалтийско-финских ойконимов *-l*-ового типа, ее плотность наиболее выражена вдоль русел рек Олонки, Мегреги, Видлицы, Тулоксы, впадающих в Ладожское озеро. Однако русские официальные эквиваленты с формантом *-ичи* / *-ицы* ни в коем разе не повторяют прибалтийско-финский ареал, поскольку лишь относительно небольшая часть карельских *-l*-овых ойконимов интегрирована в русское бытование с использованием модели на *-ичи* / *-ицы*. Большинство же усваивалось методом прямой адаптации: *Герпяла* ← ливв. *Hörppäl*, *Гомала* ← *Nomal*, *Мартойла* ← *Martoilu*, *Антула* ← *Anttul*. Наибольшее скопление ойконимов с формантом *-ичи* / *-ицы* тяготеет к среднему течению реки Олонки и ее притоку Мегреге, где расположен город Олонец и его ближайшие окрестности (см. рисунок). Показательны в этом отношении подсчеты по материалам ревизских сказок 9-й ревизии (1850 г.). В составе Рыпушкальской волости Олонецкого уезда выделялось три сельских общества (Сармяжское, Иммальское и Неккульское), из которых два последних – это поселения в составе Олонца и его окрестностей. Оказалось, что модель *-ичи* / *-ицы* фиксируется именно в этих двух сельских обществах: в Неккульском в соотношении 18 ойконимов на *-ичи* / *-ицы* к 21, представляющему собой результат прямой фонетической адаптации, в Иммальском соответственно 10 к 55, что существенно меньше. В Сармяжском обществе при наличии значительного числа ойконимов с *-l*-овым формантом модель *-ичи* / *-ицы* не реализована вовсе. По мере удаления от этого центра количество резко снижается, проявляясь точечно в некоторых пунктах. Предложенный ниже рисунок – фрагмент Плана Генерального Межевания Олонецкого уезда Олонецкой губернии (1790 г.) [http://www.etomesto.ru/map-kareliya_pgm-oloneckogo-uezda] – наглядно отражает ситуацию с распределением ойконимов на *-ичи* / *-ицы* и *-лы* (т. е. восходящих к карельскому *-l/-lu*) в окрестностях Олонца (рис. 1). Видимо, статус Олонца как административного центра был своеобразным катализатором для рождения и закрепления русской модели в прибалтийско-финском мире в официальной практике. При этом статус административного центра Олонец приобрел уже многие столетия назад. Олонец как погост *во Олонци* впервые значился в упоминавшейся уже приписке к *Уставу* Святослава Ольговича XIII в., в которой переписан административный округ Обонежский ряд, тяготеющий территориально к Присвирию. Высокий административный статус Олонца сохранялся и в дальнейшем. После присоединения Новгородских земель к Москве в XV в. Олонецкий Рождественский погост с центром в Олонце как одна из 18 административных единиц входил в состав Заонежских погостов Обонежской пятины.

Последовательное привлечение документальной базы четырех столетий позволяет утверждать, что современное состояние ойконимической системы Олонца – результат многоходовой комбинации. Начнем с того, что практически все ойконимы (их всего 11, ср. более 30 в списке 1582/83 гг.) самого раннего списка 1563 г.¹, который, как известно, сохранился лишь фрагментарно, воспроизводятся в последующих документах XVI–XVII вв. Правда, в связи с неустойчивостью написания и формообразования эта преемственность не всегда очевидна: *Хетоевичи* в дальнейшем фиксируются как *Хейтоници* (1582), *Килгиницы* – как *Килненицы* (1582), *Килкеницы* (1647), *Кянниницы* – как *Кянялицы* (1707). Кроме того, такой принципиально важный ойконим, как *Мундиници*, исчезая из более поздних документов, появляется в виде наименования одной из внутренних административных единиц Олонецкого погоста – Мундальской трети (1667) или Мундинской трети (1707), что свидетельствует о его сохранности. В дальнейшем в писцовых документах XVII в., описывающих, с одной стороны, дворцовые, с другой – митрополичьи земли, отмечается в каждом от двадцати до тридцати ойконимов модели на *-ичи* / *-ицы*, из них значительная часть приводится в обоих списках, свидетельствуя о чересполосном землевладении.

¹ Писцовая книга Обонежской пятины 1563 г. // Писцовые книги Обонежской пятины 1496 и 1563 гг. Материалы по истории народов СССР / под общ. ред. М. Н. Покровского. – Л., 1930. – Вып. 1. – С. 57–254.

Модель *-ичи / -ицы* на фоне ойконимов *-l*-ового типа в окрестностях города Олонца (конец XVIII в.)

В середине XVII – начале XVIII в. происходят две знаменательные трансформации. Во-первых, некоторая часть ойконимов переходит из модели *-ичи / -ицы* в прямую адаптацию, т. е., собственно, в документе воспроизводится карельский оригинал без русского суффиксального оформления: *Валовичи* передаются как *Валоила* (1657, 1667, 1707) при ливв. *Valoilu*, *Хошкинициы* (более раннее *Кошкинициы*) – как *Гошкила* (1647, 1667, 1707), ливв. *Noškil*, *Емчиницыы* – *Емчила* (1657, 1667, 1707), ливв. *Jetšil*, *Чимилицыы* – *Чимила* (1657, 1667), ливв. *Čimil* и некоторые другие. При этом еще буквально за десять лет до этого в писцовой книге 1646/47 гг.¹ представлена традиционная модель *-ичи / -ицы*. Что происходит? Можно с достаточной уверенностью говорить о том, что на официальный уровень бытования выходят неофициальные, народные карельские варианты топонимов. Они зафиксированы в двух документах XVII в., которые имеют иной статус по сравнению с писцовыми книгами: список 1657 г. представляет собой солдатскую перепись², а 1667 г. – перепись карел-зарубежных выходцев³, перебравшихся на территорию Олонцкого погоста из шведской части Карелии. Они, как представляется, не были жестко связаны с материалами писцового дела и оперировали в том числе народными карельскими ойконимами. Впрочем, была, очевидно, и другая причина расширения прямой адаптации: в XVII в. территория Олонцкого погоста активно осваивается приладожскими карелами, «зарубежными выходцами», для которых ойконимы на *-la* были обычны, в то время как русская модель *-ичи* мало знакома. Это могло способствовать закреплению карельских *-l*-овых ойконимов и в официальном

¹ РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1. Кн. 980. «Книги переписные государевым царевым и великого князя Алексея Михайловича всея Руси Новгородского уезду Заонежским погостамъ чернымъ волостям, деревням и митрополичьим и монастырским вотчинам, и в них дворам и крестьянскимъ и бобыльским переписи Ивана Прохоровича Писемского да подьячего Якова Еуфимьева 156 и 155 году» [1646/47–1647/48 гг.].

² РГАДА. Ф. 137. Поместный приказ. Олонца. Д. 5. 1657 г. Солдатская перепись Ивана Дивова.

³ РГАДА. Ф. 137. Поместный приказ. Олонца. Д. 3. 1667 г. Переписная книга карел-зарубежных выходцев в Олонцком и Заонежских погостах Олонцкого уезда. 114 л.

русском бытовании. Недаром целый ряд этих «карельских» форм отразился в писцовой книге 1707 г.¹, т. е. произошла некоторая переориентация со старой традиционной модели адаптации, использующей характерный для русской ойконимии формант *-ичи* / *-ицы*, на новую, опирающуюся полностью на карельский оригинал. Ситуация воспроизводится впоследствии в документах на протяжении XVIII–XIX вв., например, в ревизских сказках. При этом, однако, есть некоторые устойчивые к нововведению ойконимы. Это, прежде всего, засвидетельствованные еще в самых ранних документах названия, облик которых устоялся за столетия.

Вторая трансформация в облике официальных олонекских ойконимов, происшедшая в XVII в., согласуется с описанной выше. Традиционно концовка *-ичи* / *-ицы* выступала в связке с посессивными суффиксами *-ин-/-ен-* и *-ов-/-ев-*, т. е. *Ваченицы*, *Куневичи*, *Таченицы*, *Рыпушкиницы* и т. д. Однако в документах XVI в. можно наблюдать, как меняется облик ойконимов и место названных посессивных формантов занимает *-л-овый* элемент: *Вачелицы*, *Кунелицы*, *Тачилицы*, *Рыпушкалицы*. И если в XVII в. еще наблюдаются колебания, то писцовая книга 1707 г. окончательно закрепляет новое написание, которое сохраняется и поныне. За *-л-овым* элементом скрывается, конечно, прибалтийско-финский *-л-овый* ойконимический формант. Карельские оригиналы перечисленных выше русских форм выглядят как *Vuaččil*, *Kuunił*, *Taččoilu*, *Riipuškál*. Иначе говоря, на этом этапе сменилась сама первоначальная идеология, в соответствии с которой в ходе адаптации русский формант *-ичи* (в связке с *-ов-* или *-ин-*) замещал прибалтийско-финский *-л-овый* суффикс. Здесь же последний сохраняется, очевидно, в силу того, что в это время возрастает его роль в регионе восточного Приладожья в связи со значительным притоком карельского населения из приграничной Карелии, где, повторимся, *-л-овая* модель отличалась большой продуктивностью. Иначе говоря, оба засвидетельствованных в документах XVII в. нововведения могли быть спровоцированы развитием этноязыковой ситуации в районе. Показательно, что за пределами территории исторического Олонекского погоста, в Присвирье и северном Обонежье, первоначальный облик ойконимов сохранился в неизменном виде.

Таким образом, модель *-ичи* / *-ицы* для русификации прибалтийско-финских ойконимов *-л-ового* типа, бытовавшая в Присвирье и на его северной границе – в Олонце уже в XIII в., сохранялась здесь на протяжении столетий, хотя и не получила широкого бытования, а сконцентрировалась ареально в пределах центра бывшего Олонекского погоста – очевидно, в силу востребованности в официальной практике русских вариантов местных ойконимов. Некоторые единичные ойконимы на *-ичи*, которые фиксируются за пределами этого насыщенного ареала, кажется, подтверждают, что ею помечались названия поселений, имевших особый статус, известных за пределами ограниченного сельского сообщества. Например, некоторый всплеск активности модели, наблюдаемый в районе Сямозерья, на северной границе Олонекского погоста, вызван, очевидно, ранним обособлением этой территории, упоминающейся, между прочим, в берестяной грамоте № 131 (XIV в.), в свою волость-выставку, отделенную в самоуправлении от остального Олонекского погоста [3], что, естественно, повлекло за собой включение ее в документооборот и закрепление ранних русских вариантов наименований поселений. Видимо, важность поселения как придорожного пункта тоже могла спровоцировать раннюю адаптацию его названия в официальное русское бытование с использованием модели *-ичи* / *-ицы*, как это случилось, к примеру, с дер. *Маркелицы* (ливв. *Markkel*) на самой окраине Сямозерья, стоявшей на традиционном зимнике, ведущем с низовьев р. Шуи, из Шуйского погоста, к ее верховьям, в Суоярви [1, с. 549].

На протяжении XVII в. происходит определенная трансформация в использовании русской ойконимной модели *-ичи*: теперь лишь незначительная часть новых карельских ойконимов, оформленных суффиксом *-л-/-lu*, адаптируется традиционным способом, с использованием модели *-ичи* / *-ицы*. При этом наблюдается и неустойчивость в передаче тех ойконимов, которые в более ранних документах стабильно были представлены этой русской моделью. Показателен также практически полный переход к XVIII в. к концовке *-лицы* / *-личи*. Можно полагать, что эта транс-

¹ РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1. Д. 8579. «707-го году. Книга переписная Алексея Федоровича Головина да Андрона Васильева Апрелева за их руками. Всего 568 листов».

формация отражает изменение этноязыковой ситуации в регионе восточного Приладожья, влияние нового карельского населения из бывшего Корельского уезда, перешедшего под власть Швеции. Оно сопровождалось активным внедрением ойконимов *-l*-ового типа, которые начинают закрепляться и в официальной практике, отодвигая на периферию историческую адаптационную модель. Впрочем, есть некоторый костяк исторических ойконимов, которые из документа в документ, начиная с самых ранних, сохраняют приверженность модели *-ичи /-ицы*: *Кунилицы* (*Куневичи*), *Рыпушкалицы* (*Репушкиницы*), *Татчалицы* (*Таченицы*), *Мойжевичи*, *Вачелицы* (*Ваченицы*) и некоторые другие. Можно с осторожностью предположить, что это наименования наиболее ранних поселений Олонецкой округи, сформировавшихся еще на новгородском этапе. Остается вопросом, могли ли они возникнуть еще в вепсское время, до карелизации низовий реки Олонки? В принципе, они входят в единый ареал с соответствующими ойконимами на *-ичи /-ицы* в вепском Присвирье, да и Заонежский ареал модели возник, скорее всего, в результате адаптации в русское бытование именно вепских ойконимов *-l*-ового типа [5, с. 91–94]. Так что в этом контексте вопрос допустим, хотя конкретный ответ на него требует дополнительных изысканий. Однако в любом случае история функционирования адаптационной модели *-ичи /-ицы* способствует реконструкции событий XVII в., принципиально важных для этнокультурной истории Олонецкой округи и формирования ливвиковского наречия в составе карельского языка.

Литература

1. Афанасьева, А. А. Модели с русскими истоками в топонимии карельского Сямозерья / А. А. Афанасьева // Рябининские чтения – 2019 : материалы VIII конф. по изучению и актуализации традиционной культуры Русского Севера / Музей-заповедник «Киж». – Петрозаводск : КарНЦ РАН, 2019. – С. 546–550.
2. Васильев, В. Л. Славянские топонимические древности Новгородской земли / В. Л. Васильев. – М. : Рукописные памятники Древней Руси, 2012. – 816 с.
3. Жуков, А. Ю. Карелия в волостной и церковно-приходской самоорганизации крестьянского мира России. XV – первая половина XVIII в. / А. Ю. Жуков. – Петрозаводск, 2018. – Рукопись.
4. Купчинский, О. А. Древнейшие славянские топонимические типы и некоторые вопросы расселения восточных славян / О. А. Купчинский // Славянские древности: этногенез, материальная культура Древней Руси. – Киев, 1980. – С. 45–72.
5. Муллонен, И. И. Топонимия Присвирья: проблемы этноязыкового контактирования / И. И. Муллонен. – Петрозаводск : Петрозавод. гос. ун-т, 2002. – 353 с.
6. Топонимные модели Карелии в пространственно-временном контексте / Е. В. Захарова и др. – М. : Изд. дом ЯСК, 2018. – 272 с.
7. Karjalan kielen sanakirja 1–6. Lexica Societatis Fenno-Ugricae XVI. – Helsinki : Suomalais-Ugrilainen Seura, 1968–1997.
8. Kuzmin, D. Adaptation of Orthodox personal names in the Karelian language / D. Kuzmin // Uralica Helsingiensia 12: Personal name systems in Finnic and beyond / ed. by T. Ainila & J. Saarikivi. – Helsinki : Suomalais-Ugrilainen Seura, 2017. – P. 137–184.

I. I. Mullenen

TOPONYMIC METHOD IN RESEARCH OF THE ETHNIC-LANGUAGE SITUATION IN OLONETS KARELIA

The article presents some results of the analysis of the oikonym model *-ichi /-itsa*, which exists in the vicinity of the city of Olonets, an ancient administrative center located in Ladoga, in the south-west of Karelia, the traditional territory of the settlement of Karelian livviks. The model was used here to adapt the local Baltic-Finnish oikonyms decorated with the suffix *-l /-lu* (*Immal* → *Immalitsy*) to Russian official life. Based on the attraction of historical sources of the 16th–19th centuries, the dynamics of its manifestation, the range of the model and its genesis are considered. It is shown that having appeared in Novgorod time, the model remained active until the 17th century, when it practically ceases to be used to integrate the names of newly emerging settlements into the Russian existence. At the same time, the Karelian *-l*-formant is included in the Russian oikonym (*Kunevichi* → *Kunelitsy*). Behind this toponymic situation is active migration of the Ladoga Karelians in the Olonets region caused by the Russian-Swedish confrontation of the 17th century. For the Karelian immigrants, oikonyms for *-la* were common, while the Russian model for *-ichi* was little familiar. The toponymic material, thus, contributes to the reconstruction of the events of the 17th century, which are fundamentally important for the ethnocultural history of the Olonets Karelia and the formation of the Livvik dialect as part of the Karelian language.

Keywords: oikonymy, adaptation model, formant, areal-typological method, Karelia, Karelian language.